

КУДА УЛЕТАЮТ ЖУРАВЛИ...

Годы и судьбы

НА САМОМ гребне кручи, что властвует над Яхро-мой, вырисовывалась одинокая человеческая фигура. Снизу было видно, как она передвигалась по поросшему кустарником склону, то удаляясь в сторону леса, то ближе подходя к изломанной линии осыпавшегося обрыва. С канала наполнился туман. Час стоял ранний и давил тишиной. Только изредка доносились тархатение бульдозера, металлическое позвякивание погрузочных кранов, да где-то внизу глухо вздыхала самоходная баржа, вползая в горловину шлюза, смиренного стальными запорами. Лиловатые перекаты, как переливы мечты, скрыли разрушенную церковь. «Хороший был ориентир», — вернула в прошлое эта еще не проснувшаяся подмосковная земля.

Тогда, в ноябре 41-го, тоже стелился туман. Выжило. День клонился к вечеру, и быстро темнело. «ЗИС» надрывно гудел мотором, буксовал, но пробирался вперед. Ветви деревьев хлестали по ветровому стеклу. Временами, в низинах, колея терялась под слоем воды и льда, тогда машина почти плыла.

— Здесь! — скомандовал лейтенант Тюлин и соскочил на землю.

Гитлеровцы форсировали канал возле Яхромы и захватили деревню Перемилово. Переброшенные в этот район морские пехотинцы из 1-й Ударной армии генерала В. И. Кузнецова готовились к атаке. Но прежде должны были отработать «катюши». Для недавнего аспиранта МГУ это были первый залп и первый бой. Он не торопился давать команду «Огонь!», с кручи видел, как в Яхрому вползают колонны фашистских танков и пехоты. Когда совсем стемнело, небо озарилось яркими всполохами, и Яхрома запылала огнем...

Для каждого война началась по-своему. Каждого она застигла в разный момент его жизни и планов, но на всех она обрушилась внезапно и безжалостно, отрубив единым взмахом прошлое от настоящего, а настоящее от будущего. 25 июня по призыву Краснопресненского райкома партии Георгий Тюлин стал в строй полйтбойцов, а в ноябре 1941-го его назначили командиром отдельной батареи «катюш».

ДОМАШНЯЯ куртка облегла крепкие плечи. Глаза внимательные и чуть улыбочные в уголках. Движения быстры, точны. Впрочем, точность — это то, что я буду еще не раз отмечать: точность в главном и точность в мелочах. В словах тоже. И за словами этими — жизнь. Не растерял он с годами твердости той закалки, которую получил в суровое и незабываемое военное время, навсегда остался честным, сильным духом и не для каждого удобным. Но об этом потом...

Доводилось мне и раньше встречаться с Тюлиным, много слышать о нем. Но прежние наши встречи были редки и слишком коротки. Теперь же он сказал: «Сегодня вроде бы свободный день и, надеюсь, нам не помешают». И как-то тихо добавил: «В каждом дне только двадцать четыре часа...»

Пока хозяин хлопотал с кофе, я огляделся вокруг. На стенах фотографии конструкторов, ученых, космонавтов, дарственные надписи, автографы... Карта обратной стороны Луны, в шкафах — макеты ракет, «лунохода», копии вымпелов, оригиналы которых лежат на Луне, Марсе, Венере. И книги: на полках, на столе...

Многое в Георгии Александровиче Тюлине необычно, но более всего — его жизнь.

уже нет в живых, но я часто разглядываю их фотографии в старинных рамках. Это — история семьи и история страны тоже. Совсем молодой отец начал заниматься революционной деятельностью, был исключен из университета. Мать учительствовала. Дома много говорили о будущем, о новой жизни. Вот почему идеи революции были мне так близки, вот почему я мечтал о комсомоле...

Георгий Александрович вспоминает родину отца — Мстеру, чьи мастера «на двуривном рисовали сорок угодников так, что у каждого в глазу — тридцать девять остальных». Пензу, Пермь, фабзавуч при паровозоремонтном заводе, с гордостью говорит о своей первой профессии — станочник.

— На всех станках умел. Свал не экзамен, а пробу. Получил пятый разряд. Так вот и начал свою биографию...

Слушаю его неторопливый рассказ и думаю: показательно другое, так он ее и продолжал. Пролетжал каждым прожитым днем. Кто в детстве не мечтает стать волшебником? Рабфаковец Георгий Тюлин увидел исполнение своей мечты в математике — науке, в которой точность превыше всего.

Иного человека, убеленного сединами, с бороздками морщин на лице, трудно, а то и невозможно представить мальчишкой. А вот каким был Георгий Александрович много лет назад, я вижу отчетливо: горячий, непоседливый, дошотный.

...Секретарь комитета ВЛКСМ факультета — должность выборная, общественная, а спрос по большому счету. И за личную учебу, и за успеваемость других, и за военно-патриотическую работу. Время требовало многого, и успевали многое. Артиллерийское дело знали все выпускники мехмата МГУ. Тюлин с товарищами еще и штурманские премудрости освоил. Летал на ТВ, занимался аэродинамикой больших скоростей, продавал модели, которые приносили инженеры из «реактивного» института — РНИИ.

В ту пору пели: «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов...»

ВОЙНА... Пройдя по ее огненным дорогам через Подмосковье, Валдай, Великие Луки, Невель, Польшу, подполковник Тюлин в победном 45-м вступил в Берлин. Ордена Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны (два), Красной Звезды (два), медали «За боевые заслуги», за «взятие» и «освобождение» молчаливо отвечают на вопрос: как воевал?

В Берлине Тюлин получил задание: изучить на месте положение дел в ракетном центре Пенемюнде и на подземном заводе «Дора-Миттельбау», где делали «Фау». Предлагалось также обустроиться и ждть специалистов из Москвы. Вскоре на окраине разрушенного города появилась табличка-указатель «Хозяйство Тюлина», а затем прибыла группа инженеров, в которую входили Ю. А. Победоносцев, В. П. Глушко, Н. А. Пиллюгин, М. С. Рязанский, Л. А. Воскресенский и другие. В начале сентября прибыл С. П. Ковалев.

При первой же встрече Королев сказал: «А ведь мы знакомы». Вспомнили 1937 год и университетскую аэродинамическую лабораторию, заказы РНИИ. Потом они вместе шли «по следу» Вернера фон Брауна, «возилась», как говорит Георгий Александрович, с «бумагами и железками».

Однажды Королев спросил: — Закончим здесь, уедем, чем будешь заниматься дальше?

— Я человек военный, — ответил Тюлин. — Как прикажут.

поэт, вдохновение необходимо в геометрии не меньше, чем в поэзии. И те, кто создавал первые межконтинентальные баллистические ракеты, были не исполнителями, а творцами. Они не «вкладывали», они делали тончайшую работу, их называли хирургами и ювелирами, и бьющий по ушам рев ракетных двигателей, если только он не срывался, казался им песней, ласкающей слух мелодией.

Удача не должна быть случайной. Результаты испытаний просчитывают и выверяют, выверяют и вновь просчитывают. Удача — это логическое завершение инженерно-конструкторского замысла.

— А вы представляете теорию ракетостроения при полном отсутствии цифр, знамен, формул? — поднял брови мой собеседник. — Но главное все же не цифры. Главное — энтузиазм, настрой, в котором живут и работают люди, по велению сердца и разума взявшие на себя труднейшую миссию — создать ракетный щит Родины.

— С 1954-го спутником стали заниматься, — переменял тему Тюлин. И вот встает виток новой истории. Истории удивительной, в одночасье словно бы стершей границу между фантастикой и реальностью. Впрочем, почему «словно бы»? Разве даже накануне события 3 октября 1957 года все мы могли осознать всю суть рождения нового жилища Вселенной — спутника и то, что это фантастическое произойдет завтра? Нет, конечно!

Он умолкает, будто невзначай коснувшись чего-то запретного. Большие ладони складываются в кулак и тяжело ложатся на стол.

— Суть не только в том, что мы сделали это первыми, — уточняет Георгий Александрович. — А в том, что в ту пору никто, кроме нас, не мог запустить да и делать тоже, спутники большого веса, разного назначения. Страна стремилась не к рекордам, а к созданию космической индустрии и научного фундамента.

Вскоре Тюлина назначили директором созданного в 1946 году научно-исследовательского института. Здесь все было молодо — люди, лаборатории, административные корпуса. И ему, переполненному энергией, жизненной силой, желанием двигать дело, казалось, что в новом НИИ он сможет полнее всего проявить себя. Ведь здесь все только складывалось. А оказалось, что ничто само по себе не складывается. Человеку все самому приходится создавать. И это очень непросто.

«Нужно» люди? — говорили ему, специалисты особого профиля. «Где их найдешь, этих особых», — отвечал. — Если они сами здесь не вырастут? Резонно? Вот то-то и оно!

Люди, конечно, были. По численности, по должностям. Но были они словно разлиты, разоблены, как светила, разъяты зиянием межзвездных просторов. И началась череда новых испытаний на мужество и человечность. Испытаний потому, что осторожность была в цене, а смелость — на подозрении. Но ведь без принципиальности и борьбы за нее большого дела не сделаешь.

— Мы порой забываем, — продолжает Георгий Александрович, — что социалистический строй — не что-то отвлеченное и нематериальное, работающее само собою. Социализм — это живые люди, носители социалистических взглядов и отношений. А некоторых надо еще воспитывать, приучать к правильным отношениям в нашем обществе. Проще простого найти виновного, когда речь идет о неправомерном действии. А если о недопустимом бездействии?..

Наука — организм многоплановый, сложный. Ситуация такова, что в ней находят место не только гении. Норберт Винер писал, например: «Вполне вероятно, что 95 процентов оригинальных научных работ принадлежит менее чем 5 процентам профессиональных ученых, но большая часть из них вообще не была бы написана, если бы остальные 95 процентов ученых не содействовали созданию общего, достаточно а...